

АРТЕМ БЕЛОВ

18+

ПО ТУ

СТОРОНУ

КЛЕТКИ

Арте́м Бело́в

По ту сторону клетки

«Издательские решения»

Белов А.

По ту сторону клетки / А. Белов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502137-3

В этой книге собраны воедино повесть «По ту сторону клетки» и несколько коротких рассказов в жанре фантастики. Глубоко в лабораториях компании «Либерти Лабс» скрыта от посторонних глаз очень любопытная личность — Грегор. Его окружают белые стены, хищные глаза камер; каждый день приходит одна и та же женщина, чтобы спросить, как у него прошел день. Почти всю сознательную жизнь Грегор провел в клетке, и лишь один вопрос мучит его — что же там, за ней?

ISBN 978-5-00-502137-3

© Белов А.
© Издательские решения

Содержание

По ту сторону клетки	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

По ту сторону клетки

Артем Белов

© Артем Белов, 2021

ISBN 978-5-0050-2137-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

По ту сторону клетки

Глава 1

Грегор.

– Здравствуй, Грегор. Как настроение? Понравился завтрак?

Она снова явилась – женщина в белом халате. Зачем я ей нужен? Каждый день меня спрашивают о том, как я позавтракал, как пообедал, хорош ли ужин; грустно мне или весело. Она все время сжимает исписанный блокнот в бледных ладонях... К чему это все? Во снах я вижу, как вырываю блокнот из ее пальцев и читаю строки, написанные тонким почерком – все обо мне. Но в каждом сновидении смысл записей ускользает прочь. Женщину зовут Алиса; фамилию мне никто никогда не говорил, да и имя тоже – я просто прочел его на карточке, что крепилась к халату. Этот каждодневный спектакль хорошенько действовал мне на нервы... Но я находил в нем какое-то извращенное удовольствие – все время улыбаться и вести беседу, уверять, что все прекрасно. Сегодняшнее утро началось точно так же. Слова с трудом сходили с языка – будто лениво, неохотно. Этот язык оказалось чрезвычайно тяжело освоить, в нем так много согласных...

– Добрый день. Завтрак великолепен, как всегда. Настроение... приподнятое! Думаю, вечер будет интересным.

– Да? Отлично, Грегор! А почему ты так считаешь?

– Сегодня день математики. Я люблю числа – они меня успокаивают. Кто придет читать мне учебник?

– Профессор Алексеев. Он будет рассказывать тебе об иррациональных числах.

– Безумно интересно. Жду – не дожусь, – произнес я со скукой в голосе.

На самом деле, день математики – это совсем не весело. Меня посвящали в науку слишком медленно, словно преподавали азы какому-то недоразвитому... Иррациональные числа я освоил уже несколько дней назад: во время вечерних размышлений сам их заново открыл. Это же так логично! Они необходимы, и существование подобных множеств легко было предугадать.

– Что ты сегодня ел на завтрак?

– Яичницу с зеленым луком и жареный хлеб. А когда обед? Я проголодался.

– Как обычно, Грегор, ровно в два часа дня.

– А сколько сейчас уже?

– Двенадцать двадцать, – произнесла Алиса, бросив взгляд на наручные часы; ее карандаш со скоростью иглы в швейной машинке выводил надписи на листках блокнота.

– Когда мне дадут такие часы? Мне нужно знать время – это очень важно. Я же просил столько раз... И профессор Янсонс обещал, что мне их подарят на день рождения. День рождения был три дня назад, а я получил пятнашки. Вы что... боитесь, что я что-то сделаю? Что-то придумаю и сбегу?

– Спасибо за беседу, Грегор, – улыбнулась Алиса, – завтра после завтрака я снова тебя навещу. Было приятно поболтать, не скучай!

Цокая каблуками по плитам пола, она пошла прочь. Вот так всегда... Я вцепился руками в железные прутья.

– Пожалуйста! Мне очень нужны часы! Ну я же просил, ну что вам стоит?

Но она уже не слушала. Эхо моего голоса гуляло по пустому залу, перебегая из угла в угол. Вскоре и стук шагов затих где-то в темноте далекого коридора. Надо мной повисли

яркие лампы; они только и ждут шанса ослепить, стоит только поднять взгляд. Ненавистный свет, как в... как в... Я пытался вспомнить слово. Как в больнице! Такая большая комната, а в ней только одна клетка. Я посмотрел в угол своей темницы, где лежала кучка игрушек и всяческих безделушек. Подобные вещи надоедали мне чрезвычайно быстро. Кубики, конструктор, калейдоскоп, теперь вот еще и пятнашки – горка едва держалась, одно лишь касание – и она рухнет, рассыплется по полу. Только книги, которые мне приносили всяческие профессора, я заботливо складывал в противоположном углу; там уже образовалась внушительная ровная стопка. Там жили энциклопедии, учебники, художественные тома и сборники рассказов – все зачитанные до дыр. При хорошем настроении мне удавалось за час вдумчиво прочесть около семисот страниц. Я схватил самую верхнюю книгу из стопки, учебник по психологии человека. Открыл его и, тяжело вздыхая, принялся перечитывать, чтобы хоть как-то скоротать время до обеда.

Вскоре, по всей видимости, пробило два часа. Рабочий в зеркальной маске прикатил на металлической тележке блюдо, укрытое белоснежной тканью. Понять, почему все вокруг было кипенно-белым, для меня оказалось тяжелее всех математических проблем разом. В книгах жило такое разнообразие цветов – а здесь они пожалели для меня не только часов, но и красок. Я знал, что «кормильцам» запрещено со мной разговаривать: уже не раз пытался завести беседу. Если повезет – только, может, время подскажут. Этот «кормилец» оказался высок для человека; наверное, метр девяносто или девяносто пять. Наученный опытом, я терпеливо ждал, сложив руки, и просто смотрел на него сверху вниз, ожидая, когда он уберет ткань. Но в нос уже вползал запах супа-пюре из каких-то овощей, а к супу полагался хлеб – впрочем, не самый свежий. Так и оказалось: под тканью притаились большая тарелка супа и громадная ложка.

Спорить с «кормильцами» было бессмысленно, и протестовать – тоже. Первая ложка, полная густой овощной массы, отправилась мне в рот. Я не мог пожаловаться на вкус, ведь суп был не так уж и плох, просто давали мне его несколько раз в неделю с завидным постоянством. Как-то раз в какой-то из книжек я прочитал про сладости, и безумно захотел попробовать. Но стоило спросить, как я сразу получил отказ. Оставалось только мечтать и гадать, какой же у этого «мармелада» был вкус.

Вечером он явился. Профессор Алексеев всегда пытался казаться очень умным человеком, но получалось у него плохо. Я вяло поздоровался и сел на пол камеры, приняв из рук щуплого старика потрепанный учебник математики. До чего же скучно!

– Профессор...

– Да, Грегор?

– Я уже и так все знаю про иррациональные числа. Может, почитаете мне что-то другое? Я сформулировал несколько теорем, вот, поглядите...

Профессор с нескрываемым удивлением принялся разглядывать формулы и доказательства, которые я нацарапал на полу маленьким мелком.

– Как ты... Ты сам это придумал? Нигде не вычитал?

– Это элементарно. Простые рассуждения.

Профессор Алексеев посмотрел мне в глаза. Я еще не до конца научился различать эмоции, но, кажется, он испугался. Чего?

– Ты очень сообразительный, Грегор.

– А вы все очень жадные.

В глазах старика зажглось любопытство.

– В самом деле? Почему ты так думаешь? Ты что-то просил, но не получил?

Я взмахнул руками:

– Я хотел на день рождения часы. Как видите, на мне нет часов! А это так... так... – я с силой хлопнул ладонями по полу; эхо понеслось к потолку и запрыгало от стены к стене, – так важно!

Старик пригладил седую шевелюру.

– Зачем же тебе часы? Ты ешь по расписанию, всегда в одно и то же время.

– Как это – зачем? Очень важно знать, в какой точке на линии времени мы находимся в данный момент. А что, если мы попадем в нестабильную зону? Случайно? Спровоцируем временной резонанс... я еще не пришел к выводу, что тогда произойдет! Мне нужны часы, чтобы следить за зонами.

– Ты только что это придумал? – улыбнулся профессор.

Мне следовало сразу подумать о том, что для профессора мои теории будут слишком сложны. Я просто махнул рукой и отвернулся.

– Ну-ну, Грегор, не обижайся на старого ученого. Хватит дуться! Будут тебе часы – обещаю!

– Профессор Янсонс тоже обещал. И не принес. Делает вид, что я ничего не просил... Вы поступите так же.

Старик вздохнул и обернулся, бросив короткий взгляд куда-то наверх. Туда, где мигал красный огонек камеры наблюдения.

– Мне жаль, Грегор. Нас тщательно обыскивают, прежде чем мы проходим сюда. Просто так ничего не пронесешь... Все посторонние предметы запрещены.

– Вы меня боитесь?

– Я – нет. А вот они, – старик кивнул куда-то в сторону входа, – думаю, да. Впрочем, я уже и так сказал лишнего. Мне нечему тебя научить сегодня, раз ты уже все знаешь про иррациональные числа – все наши уроки тоже заранее спланированы. Вот, возьми лучше эту книжку. Может, пригодится в твоих «исследованиях».

Я поглядел через плечо. Профессор Алексеев через прутья решетки протягивал мне книгу. Я осторожно взял ее; глаза пробежали по названию – Ж. Лагранж, «Аналитическая механика».

– Что-то новое. Спасибо.

Дверь отворилась, как пасть морского чудовища, обнажив страшный, темный и длинный коридор. Обычно это происходило в конце всех уроков, но в этот раз профессору даже не дали довести все до конца. Из коридора вынырнули двое, в таких же зеркальных масках, как и «кормильцы». Я быстро приметил, что один чуть прихрамывал, а второй то и дело, судя по звукам, облизывал губы. С моим слухом это было не так уж и сложно.

– Профессор, на выход.

Старика Алексеева зачем-то взяли под руки. Тот и не думал сопротивляться. Я прижал лицо к решетке.

– Пожалуйста, хоть вы не забудьте про часы!

Профессор Алексеев обернулся и посмотрел на меня, кивнув и слегка улыбнувшись. Но за улыбкой спряталось нечто совсем иное – грусть. Что это блестит у него в глазах? Слезы? Куда его уводят? Двери захлопнулись. А я снова остался наедине с книгами, глупыми игрушками и самим собой.

Следующие несколько дней прошли точно так же, как и вся моя жизнь до этого. Почти вся. Я еще хранил в воспоминаниях обрывки детства; водоворот красок и цветов, чувство свободы. В голове всплывали зыбкие, далекие образы леса, реки, вкусных фруктов и моей родни. С тех пор утекло много лет, я повзрослел, и манящие, соблазнительные образы природы остались только в моих снах. Только там, во сне, я мог быть по-настоящему счастлив и снова бродить по берегу реки, наблюдая за игрой водяных брызг и плавными движениями рыб... а после приходило горькое пробуждение, оставляя меня совершенно разбитым. Я, спеша, хватался за калейдоскоп, чтобы хоть где-то увидеть яркие, насыщенные краски – лишь бы только не смотреть на белоснежные стены.

Опостылевшее лицо Алисы снова швырнуло в меня противную наглую улыбку.

– Добрый день, Грегор. Как настроение?

– Я не хочу с вами разговаривать.

– Почему? Тебя кто-то обидел?

– Вы держите меня взаперти, засыпаете дурацкими игрушками и не даете то, что действительно необходимо. Ваши профессора часто глупы, уроки скучны, а книги устарели. Я до всего додумываюсь сам куда быстрее, чем вы можете мне преподать. И еда невкусная.

– Что-то ты раскапризничался последнее время... – пробормотала Алиса, тщательно записывая каждое мое слово в блокнот.

Я медленно приблизился к решетке. Она даже не заметила, погрузившись в записи. В мгновение ока я выбросил руку сквозь прутья и схватил записную книжку – Алиса даже не успела вскрикнуть, только глаза ее расширились от удивления. Карандаш смотрительницы прочертил по бумаге, оставив недописанным последнее предложение. Я же, торжествуя ухнув, прыгнул в самый дальний угол клетки, сжимая мятый блокнот в руке. Теперь, наконец, посмотрим, что они там про меня пишут!

– Грегор, немедленно отдай!

– И не подумаю... – пробурчал я.

Самая первая страница. «Настроение в норме, аппетит хороший. Проявляет необычную двигательную активность, отказывается разговаривать; часто смотрит в калейдоскоп. Наблюдаются поразительные всплески мыслительной активности. Мистер В. считает, что Грегор потенциально гениален.»

Дальше и так плохой почерк Алисы превратился в мешанину завитков и точек, которую совершенно невозможно было расшифровать. Следующая страница тоже осталась загадкой. На пятой я кое-что сумел разобрать; там говорилось о том, что мне принесли мою первую книгу. Блокнот оказался ничуть не тоньше некоторых художественных книг – Алиса записывала про меня каждую мелочь, вплоть до того, сколько раз за день я ходил в туалет или чесался. И зачем им это вообще было нужно? Бережно хватая листочки, я переворачивал их один за другим, а тем временем в комнате поднимался невообразимый шум и гвалт. Поворачивая блокнот и так и эдак, я разглядел рисунок меня в клетке, пробежал глазами по спискам еды, что давали мне люди в масках, провел пальцем по расписанию занятий и именам профессоров. Ниже расположилось кое-что поинтереснее – выжимки из их резюме и собеседований. Значит, они проходили специальный отбор, прежде чем им позволяли со мной работать. Любопытно...

С каждым новым днем, с каждой записью отточенного карандаша Алиса фиксировала повышение моего интеллекта. С этим спорить мне не хотелось – утро за утром я и впрямь чувствовал себя умнее, сообразительнее, гибче мыслями. Уроков и книг мне быстро перестало хватать. Я сам выводил все формулы и составлял теоремы с аксиомами еще до того, как очередной ученый приходил преподавать мне очередной предмет. Я перевернул блокнот и решил начать с конца. Заметки смотрительницы так и сочились подозрением и недовольством – постоянно просит часы, избирательно стал относиться к еде, требует одежду. Капризничает; что-то задумал. Алиса отмечала, что охранникам неплохо бы усилить бдительность, а профессорам – наводящими вопросами выяснить, что я на самом деле затеваю. «С каждым днем его состояние все больше дестабилизируется и выходит за границы нормы. Нужно немедленно что-то предпринять, чтобы процесс не вышел из-под контроля». Будто я читал не описание моей жизни в клетке, а отчет о работе какого-то прибора!

Алиса все не унималась. Ее терпение, к моему удовольствию, дало широкую трещину – она кричала и топала ногами, требуя вернуть ей драгоценные записи. Я оглянулся на нее с нескрываемым отвращением; стоило мне всего лишь отобрать блокнот, как ее маска человека соскользнула, и она превратилась в жалкое существо, прикрывающее свой страх громкими криками.

– Боишься, да? Кричишь, злишься, значит боишься... Я насквозь тебя вижу.

– Охрана! Охрана! – Алиса сунула руку в карман белого халата и вытащила небольшой пульт; с яростью она принялась нажимать большую красную кнопку.

В комнату ворвались несколько крупных мужчин с длинными электрожезлами. Я успел их как следует рассмотреть: одеты они были как военные из книжек – за исключением все тех же масок, чтобы я никого не запомнил и не увидел лица.

– Он украл мои наблюдения!

Головы охранников повернулись ко мне. Я чувствовал, как они буравят взглядами блокнот в моей руке.

– Верни записи. Сейчас же, – на конце жезла заплясала молния.

Я наблюдал за ее танцем и усмехался.

– А иначе что? Ударите меня током? Вы, я смотрю, храбрецы каких поискать – все на меня одного, да еще и в клетке...

– Захлопни пасть. Отдавай блокнот или получишь разряд.

– Я не собираюсь отдавать ей этот никчемный...

Стражник сделал внезапный выпад, и жезл уперся мне в грудь; молния тут же сползла с него и ужалила, словно оса. Ток жестоко меня тряс, а я не мог ничего поделать с собственным телом. Все мышцы свело судорогой, и, в конце концов, мои руки выпустили записную книжку. Охнув, я грудой свалился на пол.

– В следующий раз будешь послушнее! – я почувствовал, как охранник снова ткнул меня жезлом, и мышцы судорожно задергались.

Сквозь туман, застилавший глаза, я видел, как уходила Алиса, грязно ругаясь на каждом шагу.

– Все, хватит с меня! Не могу больше так работать!

Охранники убралась прочь и заперли за собой дверь, оставив меня наедине с болью.

Глава 2

Грегор.

На следующий день все вели себя так, будто ничего не произошло. Я с подозрением принимал пищу от лживых людей в масках, а свободное время проводил, медленно вращая калейдоскоп. Какие же он показывал яркие узоры! Казалось бы, такая простая вещь, ничего в ней особенного нет; но если вокруг одна лишь белизна да прутья клетки, то осколки разноцветного стекла превращались в драгоценные камни. Рацион, к моему удивлению, ни капли не поменялся; я думал, что за бунтарское поведение мне сократят порции или придумают какой-то еще способ наказать. Но все оказалось по-старому. Мне даже пожелал приятного аппетита «кормилец», чего никогда не случалось раньше.

После обеда пришел профессор Бернштейн. На лице его блуждала нервная улыбка, глаза его то и дело бегали, иногда выстреливая в меня опасливыми взглядами. Похоже, он слышал об инциденте и не очень-то желал ничему меня учить.

– Привет, Грегор! Как поживаешь? С новыми силами за новые книги? – профессор наигранно рассмеялся.

– Можете не стараться, я же вижу, что вам на самом деле не весело.

Улыбку с лица ученого будто стерли ластиком. Он скривил губы и поправил воротник халата.

– Что ж... в таком случае... давай лучше сразу перейдем к занятию.

Я с интересом повернулся:

– А какая сегодня тема?

Заметив мое любопытство, Бернштейн приободрился и стал вести себя чуть смелее.

– Сегодня я хотел рассказать тебе об основах оптики, преломлении света...

– Скукотища, – я снова отвернулся, уперев взгляд в грудку игрушек, – я все это уже знаю. Я сам сформулировал нужные теоремы и вывел основные законы, которые, между прочим, куда точнее ваших. В современную теорию закралась непоправимая ошибка!

– Что? О чем ты говоришь?! Какая ошибка?

– Оптика не учитывает зон временного сдвига. Вы не знаете, как эти области преломляют свет!

– Но позволь, Грегор, что такое эти «зоны сдвига», о которых ты толкуешь? Я преподаю в крупнейшем университете страны вот уже тридцать лет, а никогда о них не слышал...

– Потому что вы узко мыслите. Это мои собственные соображения и исследования! Но их я не хочу обсуждать с вами. Ни с кем из вас.

– Ну, хм... – Бернштейн откашлялся, – тогда чем бы ты хотел заняться? Что тебе было бы интересно? Может, я все-таки могу тебе рассказать что-то новое?

Я призадумался.

– Можете. Расскажите поподробнее о теории относительности. Только очень подробно.

Глаза профессора загорелись.

– Частной или общей?

– Начнем с частной. У меня есть несколько вопросов, я их записал...

Только сейчас Бернштейн додумался опустить взгляд и посмотреть на пол моей клетки. Он весь был покрыт вопросами, которые я аккуратно записывал мелом. Профессор ушел ближе к ужину – мы много времени провели в спорах, таких жарких, что лицо Бернштейна из бледного стало красным, как один из осколков в калейдоскопе. Меня так увлекла дискуссия, что я совершенно позабыл и про то, что меня всего день назад били электрожезлами, и про режущий слух визг Алисы. Судя по всему, профессор тоже остался доволен – перед уходом он пообе-

щал в следующий раз подготовиться более основательно и протянул мне руку через прутья решетки. Я неуверенно пожал его маленькую ладонь.

– Ты умнее всех, кого я когда-либо в жизни встречал. Не я должен к тебе приходить с учебниками, а тебя бы отправить в наш университет, провести пару уроков для профессоров.

– Спасибо. В следующий раз я все-таки расскажу вам о своей теории временных зон.

– Тогда принесу побольше тетрадей и ручек, – улыбнулся Бернштейн.

Следующий день стал особенным. Утром, раньше обычного, я услышал знакомый стук каблуков. Уже заготовив самые обидные слова, какие только знал, я подошел к решетке и увидел... не Алису. Женщина с темными волосами, с новеньким блокнотом и полной чернил ручкой, словно саму ночь закупили в пластмассовом корпусе. Алису, похоже, уволили после инцидента со мной, или же она решила все бросить сама.

– Привет, Грегор! Я – твоя новая смотрительница. Как настроение?

– А где Алиса?

– Алиса? Какая Алиса?

– Та женщина, что была до вас.

– Она... перетрудилась, и ее отправили на отдых.

– Вот, значит, как... – с сомнением в голосе произнес я.

– Ну что, – улыбнулась новенькая, – как ты себя чувствуешь?

– Спасибо, хорошо. Настроение нормальное.

Во мне зашевелилось странное чувство; обычно открытый для общения, я совершенно не желал говорить с новой смотрительницей. Мне ни с кем не хотелось разговаривать, кроме разве что профессоров, да и то не всех. Ведь теперь я знал – стоит мне сказать что-то, что выведет смотрительницу из себя, как тут же прибегут охранники с электрожезлами. Но та, внимательно разглядывая мое лицо, игриво погрозила пальцем, а рот ее расплылся в широкой теплой улыбке.

– Грегор, не замыкайся в себе! У меня для тебя есть небольшой подарок.

Меня кольнуло любопытство.

– Подарок? Какой подарок? Игрушка?

– Протяни руку.

Я сунул руку между прутьев решетки, раскрыл ладонь; смотрительница опустила в нее что-то маленькое и холодное, и я почувствовал касание металла. Я поднес ладонь к глазам на ней лежали новенькие электронные часы. От удивления и радости мне перехватило дыхание.

– Часы! – выдохнул я. – Наконец-то часы! Спасибо!

Не в силах сдержать эмоций, я помчался по клетке, пробегая круг за кругом. На каждом кругу я встречался взглядом со смотрительницей; она посмеивалась, черкая что-то в блокноте. «Снова обо мне», – мельком подумал я. Через несколько минут непрерывного бега, я с размаху сел, запыхавшись, и стукнул ладонями по полу. Часы тут же оказались у меня на запястье, и я начал наблюдать за сменой маленьких цифр – девять часов и тридцать минут. А теперь – девять часов, тридцать минут и пара секунд... а теперь... голос женщины вывел меня из транса.

– Но и это еще не все, Грегор.

– У меня же вроде не сегодня день рождения...

– Ничего, придумай себе какой-нибудь другой праздник, – улыбнулась женщина, – это от нас всех.

Она просунула через прутья решетки какой-то сверток. Я поспешил разорвать шуршащую коричневую бумагу, и под ее складками оказалась одежда – как раз мне по размеру. Шорты и желтая майка с пальмами. Такая яркая!

– Не знаю, как вас благодарить! Оба моих желания – и сразу в один день! – не теряя больше ни секунды, я напялил на себя одежду, став похож на лохматого пляжника.

– Не скучай, Грегор. Увидимся завтра!

Я помахал ей рукой на прощание, а все время до еды провел за разглядыванием пальм на новой майке. День из обычного неожиданно превратился в праздничный, хоть я и прекрасно осознавал, что все эти обновки получил только потому, что меня хотели задобрить. Впрочем, меня это не волновало: главное, что часы теперь крепко сидели на моем запястье. После обеда люди в масках принесли кипу новых книг, в основном по различным наукам – как раз тем, каких мне очень не хватало. Теперь-то у меня в руках было все необходимое, чтобы начать собственные исследования! Профессора могли подождать со своими лекциями; у меня в голове прятались крайне интересные теории, которые требовали немедленной проверки. И, оказись проверка успешной, у меня мог появиться шанс... на освобождение.

Опасаясь на мой счет, пачкая бумагу подозрениями и наблюдениями, мои тюремщики были совершенно правы – разумеется, я не собирался проводить всю жизнь в клетке. Раз природа наделила меня разумом, который они звали «гениальным», то я не заслуживал такой участи. Художественные книги только сильнее убедили меня в этом. Бесконечными ночами, когда я не мог уснуть и только ворочался в клетке, перекатываясь с боку на бок и обдумывая все на свете, представляя себе, что может принести будущее, я представлял себя и самого профессором, который посвящает все свое время борьбе с невежеством и незнанием. И темой, которая интересовала и занимала меня больше всего остального, были исследования природы времени. Начать я планировал в этот самый момент. Между мной и свободой не хватало только одного простого звена – часов, и маленький «бунт» помог решить проблему. Теперь у меня были новенькие электронные наручные часы; но точны ли они? Не было на свете вопроса важнее. Я еще не мог сформулировать свои мысли конкретно, потому что до сих пор никуда их не записывал, а пишущих инструментов, кроме мела, мне не полагалось. Оставлять такие важные выкладки на полу тоже не стоило – как знать, что могло взбрести в голову людям в масках, заметь они их? Но теперь мне как никогда нужны были чернила.

В одном из углов клеток я специально не убирался, заваливая его вместо этого игрушками для прикрытия. Подвинув их в сторону, я наклонился, рассматривая внушительный слой пыли. Я собрал густую слюну во рту и сплюнул в угол, смешивая ее с пылью. Затем аккуратно вырвал страницу с черной картинкой из книги, которую прочел уже множество раз, и старательно перетер рисунок в порошок. Добавил в грязную жижу; еще один плевок – и получилось склизкое подобие чернил. Оставалось дело за инструментом... Из горки игрушек я двумя пальцами выудил бесполезные пятнашки и отщепил от пластмассовой коробочки тонкую полоску. Вполне сойдет за перо. Я специально делал это все, сгорбившись и повернувшись так, чтобы на камерах было очень тяжело разобрать, чем я на самом деле занимаюсь. Настала очередь следующей книги. Я обмакнул «перо» в «чернила»; прямо поверх строк художественного произведения легли формулы, расчеты, формулировки и теоремы.

Аксиома Грегора. Пространство и время сохраняют свои взаимосвязи только в стабильных областях материального мира. Теорема Грегора. При наличии инородного тела в нестабильной области материального мира, оно также обрывает свои связи с осью времени, пропадая для стороннего наблюдателя, находящегося в стабильной области. Вывод? Если наблюдатель находится в нестабильной зоне, он может видеть другие объекты, но не является частью их области существования.

И снова цифры и переменные побежали по бело-желтым страницам. Я просидел так до самого ужина. Из размышлений меня грубо выдернул звук открывающейся двери – человек в маске катил еду. Я украдкой спрятал книгу под кучу игрушек и, как обычно, подошел забрать блюда и чашки. «Кормилец» сложил на поднос грязные тарелки, оставшиеся с обеда, и уже было собрался уходить, как вдруг я решил задать вопрос.

– А сколько сейчас времени? Только поточнее, пожалуйста.

«Кормилец» несколько секунд молча на меня смотрел, а потом поднес запястье к маске. Из-за нее раздался глухой и хриплый голос.

– Семь часов двадцать минут. Ровно.

Как только он начал говорить, я стал отсчитывать про себя секунды, чтобы не упустить ни одной.

– Спасибо, – рассеянно ответил я, стараясь не сбиться со счета, и удалился в свой угол, прихватив еду.

Я посмотрел на часы. Мои предательски отставали. Хорошо, что решил спросить... Я все равно рисковал, доверяя точное время случайному «кормильцу», но больше положиться было решительно не на кого и не на что. Медленно и аккуратно, чтобы точно не совершить роковой ошибки, я выставил правильное время. Первое препятствие осталось за плечами. Теперь на дороге у меня стояли только расчеты – а уж в этом-то я точно не мог сам себя подвести. Ночь прошла без сна; я слишком разнервничался, чтобы лечь спать. К тому же, мне хотелось закончить со всем пораньше, еще до того, как придет новая смотрительница. Проверку теории я назначил после завтрака. Вся книга покрылась записями, словно леопард – пятнами, а пол клетки я изрисовал мелом так, что он стал практически белым, прямо как стены вокруг. Чертежи, графики, цифры; в безумном карнавале они плясали вокруг меня, рассказывая свои невероятные истории. Пространство комнаты вокруг меня словно превратилось в одно большое объемное сплетение графиков, и все расчеты указывали на одну и ту же точку, сколько бы проверочных вычислений я ни делал. Повезло, что она все-таки оказалась внутри моей широкой клетки. Графики сходились именно в ней – у самой решетки, там, где мне передавали еду. Оставалось только не обнаружить себя заранее.

После целой вечности ожидания пришло время завтрака. Раздался скрип тележки, побежали по стенам блики зеркальной маски. Все было как всегда; ах, если бы они только знали, что творилось у меня в голове! Такой бы поднялся переполох! Всю свою жизнь я не знал, кто держал меня взаперти, какой компании я был «обязан» за свою счастливую жизнь в заточении, не знал имен, лиц, целей и мотивов. Оставалось подождать лишь немного, и я навсегда сбегу от ненавистных тюремщиков... в теории. Свой завтрак – овощи, булочку и апельсин – я разделил на три равных части.

«Кормилец» укатил тележку, а я тяжело вздохнул. Нервное напряжение нарастало – сердце в груди будто стянули обручем. Получится или нет? Что, если нет? Что тогда?.. Ну уж нет – я не мог ошибиться. Теорема была верна, а доказательство ее – истинно, и расчеты это подтвердили не один раз за ночь. Это был мой единственный шанс вырваться, и не использовать его было бы глупо. Место, где сходились графики – нестабильная область материального мира. Мизерная точка пространства, где совершаются чудеса. Согласно моим рассуждениям, для того, чтобы вывести всю систему из равновесия, необходим был легкий толчок, позыв к действию – короткий сигнал. Будильник на часах подошел бы, если бы ему хватило громкости. Я выставил его на половину одиннадцатого. Сейчас же часы показывали девять. У меня было еще много времени на подготовку.

Теперь уже не имело значения, заметят ли меня камеры, заподозрят ли что-то охранники или просто махнут рукой. Я стянул с себя новую майку и скрутил ее в подобие мешка. На мне остались только шорты – по карманам я распахал вырванные листки с самыми ценными выводами и расчетами. Еда, каждую порцию которой я завернул в такие же книжные листы, отправилась в мешок. Я уже успокоился и решил, что все собрал, как вдруг мой взгляд упал на калейдоскоп. Его я решил прихватить с собой. Я протянул руку, чтобы подобрать старую игрушку, как вдруг мое внимание привлекли чертежи и расчеты на полу. В спешке и волнении мне совершенно не пришло в голову их стереть; вряд ли даже самые сообразительные профессора что-то поняли бы, а с расстояния камер записи бы просто показались кучкой закорючек, но давать тюремщикам шанса все же не стоило. Проведя ступней, я превратил стройные записи в белые туманные разводы. Отойдя к решетке, я опустил в нужном месте и стал ждать. Будильник можно было поставить и на пораньше, но мне хотелось спокойно поразмышлять.

Спустя какое-то время, я бросил взгляд на часы. Десять часов и двадцать семь минут. Внезапно дверь отворилась, и из страшного темного коридора в комнату зашла та самая новенькая смотрительница. Она натянуто улыбалась мне, нетерпеливо теребя в руках блокнот. Рано, она пришла слишком рано! Десять часов, двадцать семь минут и сорок секунд.

– Привет, Грегор! Что это ты устроил у себя? Перестановку?

Цоканье ее каблучков приближалось, я же решил промолчать, нервно сморщив нос. Смотрительница обошла клетку кругом, разглядывая меловые разводы и потревоженные кучки книг и игрушек. Она остановилась напротив меня и открыла было рот, чтобы сказать что-то еще, но тут мой будильник неистово запищал. Я улыбнулся – так широко, как только мог. Как я и ожидал, как мои расчеты и подсказывали, звук стал внезапно замедляться и густеть, как древесный сок. Его переливы затихли и застыли в воздухе невидимыми волнами. Пыль зависла над полом, смотрительница с каждым мгновением двигалась все медленнее. Последнее, что отразилось на ее лице, прежде чем она застыла окончательно – недоумение. Глаза широко распахнуты, рот приоткрыт; я видел тонкую нить слюны, протянувшуюся между губ. Блокнот собрался выпасть из рук, но не успел – повис в воздухе.

Время остановилось. Я захохотал во весь голос; теория оказалась верна! Часы были точны, секунды идеально подобраны, сигнал подан как раз вовремя, а графики сошлись именно в зоне нестабильности, не обманув меня. Все вокруг словно подернулось дымкой, стало зыбким и нереальным, словно перед глазами повисло марево – значит, и мои поправки к законам оптики подтвердились! В этой области измерения, в этом безвременье и нестабильном слое существования свет вел себя иначе. Пора было проверить и все мои остальные догадки. Я нерешительно поднес палец к решетке и махнул рукой. Мои кожа, плоть и кости прошли сквозь металл. По ощущениям когда-то непреодолимые прутья напоминали плотный гель – как я и предвидел. В записях я даже называл его «вневременным гелем», отражением реальных вещей по эту сторону осей пространства.

Умопомрачительно! Я до последней секунды, до последнего вздоха сомневался в своих теориях, хоть цифры и говорили об обратном. Я посмотрел себе под ноги; ступни мои словно застряли в густой каше – пол тоже обернулся вневременным гелем, где-то более плотным, где-то помягче. Мешок же мой казался куда плотнее и целее. Подхватив его, я рванулся вперед. Дернувшись, решетка пропустила меня, а потом задрожала, как фруктовое желе, прежде чем вернуться к своему изначальному состоянию. Я вплотную подошел к смотрительнице. Ее взгляд упирался туда, где я только что сидел – а теперь пропал бесследно. Сбежал оттуда, откуда никто не мог раньше сбежать. Полдела сделано; теперь нужно было только найти точку, из которой можно было выйти назад в реальный мир. Я мельком взглянул на блокнот в руках смотрительницы; мне так хотелось порвать его в клочья, разбросать по комнате! Но бесполезно; разрушив отражение, оригинал не повредить. Едва время сделает свой следующий шаг, как настоящий блокнот создаст себе новую «тень» в этом сонном измерении.

– Кажется, пришла пора прощаться, – улыбнулся я.

Пусть она меня не слышит – все равно. Я выпрямился в полный рост и помчался к дверям; пробился сквозь них, как через густую жидкость. Я остановился. Передо мной протянулся тот самый страшный и темный коридор, который раньше был виден только издали. По каждую сторону высились двери, дрожащие в безвременье; на полу расположились широкие плиты, такие же белые, как и стены вокруг. Мне ничего не оставалось, кроме как идти вперед; я пробивался через бесконечные двери, а коридор все полз и полз, как червь, буравя здание. Наконец, когда я уже начал думать, что заблудился, за очередной дверью появился пост охраны; бледные образы мужчин с оружием напряженно всматривались в экраны мониторов. Рядом с ними высилась горка зеркальных масок, а возле поста одиноко стояла пустая тележка «кормильцев». Не в силах сопротивляться собственному любопытству, я зашел на пост охраны

и заглянул через плечо одному из охранников; на мониторе, теряясь в неясных разводах, виднелась моя пустая клетка. Силуэт смотрительницы расположился рядом.

Я засмеялся собственным мыслям. Если бы они только могли видеть свои лица! Переполюшились, что-то заподозрили, но уже слишком поздно – время потеряно! Все еще злорадно улыбаясь, я уставился на лица охранников, стараясь как следует запомнить каждого. Линии их лиц казались грубыми, их щеки, носы и лбы пересекали уродливые шрамы, а в глазах отразилась непроходимая тупость. Задумавшись, я приложил палец к губам. В голову лезли непрошенные мысли: графики и расчеты пытались подсказать мне, где находилась точка выброса в реальный мир. Я оставил пост охраны и побрел дальше, натываясь на тупики и по нескольку раз возвращаясь к одной и той же развилке. Здание предстало передо мной лабиринтом коридоров и комнат, забитых всякой всячиной – лаборатории сменялись комнатами отдыха и забитыми компьютерами офисами, а люди в них застыли в самых невероятных позах. Чем больше я удалялся от главного коридора, тем чаще мне попадались маленькие каморки с необычного вида аппаратурой и полками, уставленными биологическими образцами. В одной из комнаток, самой дальней, оказался изможденный человек, привязанный ремнями к стулу; рядом стояло пустое ведро, на столике расположились пустые шприцы без иглонок. Мне стало невыносимо жаль беднягу – но я ничем не мог ему помочь. С каждым новым шагом я заново просчитывал выходы в реальный мир по тем формулам, которые теперь хранил глубоко в мозгу. Графики моих уравнений снова сошлись – в одном из змеистых коридоров, прямо перед лицом тучного мужчины со стопкой бумаг в руках. Такое место мне точно не подходило.

Наконец, мне удалось найти лестницу. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы научиться, как ей правильно пользоваться; лестницы я видел только в далеком детстве, и память о них размазалась, как каша по стенкам тарелки. С каждым шагом мои ступни утопали в ступенях, но не проваливались – похоже, материал непосредственно влиял на свойства вневременного геля. В самом низу оказалась еще одна дверь, через которую я прорвался проверенным способом; глазам моим открылся внушительных размеров холл, светлый, как и моя комната. В нем собралась целая уйма народа – посетители, клиенты и, видимо, еще больше охраны – и все застыли, как огромные куклы. Кое-где стояли горшки с цветами – разумеется, белыми. Я быстро осмотрелся и замер; огромные двери, стеклянные, но смазанные так, что через них ничего нельзя было рассмотреть, встали у меня на пути. Выход! Все мое тело задрожало от макушки до кончиков пальцев; слишком долго я не был под настоящим небом, слишком долго не дышал свежим воздухом, таким, каким он должен был быть. А о городах я и вовсе читал только в книжках... Я так хотел сбежать, так старался все верно рассчитать, что совершенно вымотался. Мне потребовалась вся сила воли, чтобы решиться на последний шаг. Я вздохнул и ринулся прочь.

Глава 3

Грегор.

Город. Настоящий, сошедший прямиком с книжных страниц. У меня перехватило дыхание; я застыл, не в силах пошевелиться, потрясенный до самых основ. На стене здания, откуда мне только что удалось сбежать, красовались огромные буквы: «Либерти Лабс». Эта компания была одновременно моим мучителем и воспитателем. Тряхнув головой, я заставил себя вернуться к вычислениям. Графики сходились здесь во множестве мест сразу, но одно из них – магазин на противоположной стороне улицы – казалось удобнее всех остальных. Я медленно побрел по дороге, вдыхая смрадный воздух, наполненный выхлопами машин и выбросами заводов. Даже в другом измерении, где не существовало времени, он казался плотным и вязким. Как люди могли позволить себе жить в такой грязи и вони? Мне пришло в голову, что первыми моими научными трудами должны стать статьи по экологии. Я смотрел по сторонам, распахнув глаза. Их щипало и жгло, а я все боялся моргнуть, лишь бы только не упустить ни единой детали. Каждый зыбкий образ, попадавшийся на пути, словно засасывало меня прямо в зрачки, а оттуда – в память, где я копил их как книги в библиотеке. Автомобили, кирпичи, уставшие пешеходы, облезлый кот на крыше низкого грязного здания... Даже мятая бумажка у мусорного бака показалась мне невероятно занимательной. Чем больше я смотрел, тем быстрее билось сердце, тем тяжелее вздымалась грудь.

Я судорожно схватил свой мешочек и выудил калейдоскоп. Сменяющие друг друга узоры удивительным образом успокаивали нервы, вращаясь в бесконечном вальсе. Постепенно дыхание пришло в норму, и я отнял от лица спасительную игрушку. Незаметно для себя я оказался у стены нужного мне магазина. Стена его по консистенции напомнила, скорее, пласт яблочного джема, пока я с трудом пролезал внутрь; такой же мне иногда давали с булочками на завтрак. Пробравшись внутрь, я как следует осмотрелся. Одежда! Великолепно! В том виде, в каком я явил себя миру, появляться на улице не стоило; на меня тогда открыли бы настоящую охоту. И, хоть мне и удобнее было передвигаться на четвереньках, от такого пока тоже пришлось решительно отказаться. Я не питал никаких иллюзий насчет моих бывших мучителей; глупо было бы полагать, что они просто махнут на все рукой. Нужно скрыться, слиться с толпой, залечь на дно. Или убежать так далеко, что найти уже будет невозможно, и следы мои затеряются среди сотен ложных путей.

Кроме книг иногда мне приносили и свежие журналы – просто так, для развлечения; словно собирая пазл из разноцветных кусочков, я создал себе образ «нормально» одетого человека. Мне даже было известно, что было в моде, а что нет; как одеваться на званый ужин, а как – на утреннюю пробежку. Я с энтузиазмом принялся носиться по магазину, напрягая зрение и приглядываясь к полкам и вешалкам. Мне посчастливилось найти, где лежали самые крупные брюки, которые только существовали в продаже; вскоре я отыскал и огромные ботинки, рубашку, шляпу и пальто. Если поднять воротник, то не сразу и разглядишь, кто перед тобой... Все это барахло притаилось в разных уголках магазина, значит, выбора у меня не оставалось. Точка выхода удобно располагалась возле примерочных; заметить меня, прежде чем я где-нибудь спрячусь, было непросто. Я решил переждать до самого закрытия магазина, пусть он и находился так близко к «Либерти Лабс»: прятаться, как известно, следовало на самом видном месте. Кроме того, я не оставил никаких следов в здании, откуда только что сбежал. Охранники, «кормильцы» и всевозможные смотрительницы ни за что не догадались бы, где я нахожусь – ведь «гений», как они меня называли, ни за что не выбрал бы такое опасное место.

Помедлив мгновение, я завел будильник и побегал к примерочным. Спустя минуту он пронзительно заверещал, и в мир будто с силой вставили батарейку. Все зашевелилось разом, звуки оглушили меня; ужасающая какофония шорохов, стука, голосов, визга шин на улице,

пронзительных клаксонов заставила меня задрожать. Я заскрежетал зубами и прижал ладони к ушам. Как невыносимо громко! Дрогнув, образы предметов налились красками и вошли в привычные границы. Вокруг меня оказалось вдруг столько яркой, разноцветной одежды, что я позабыл о бои в ушах, разинув рот. Но вдруг спохватился: нужно было скорее спрятаться! Стоило кому-нибудь зайти, чтобы примерить очередное платье, и все пошло бы кувырком. Миновав примерочные, подскочив к служебному выходу, я зарылся в груды коробок и сломанных вешалок. Убедившись, что меня не видно, я позволил себе вздохнуть глубже. Стараясь не шевелиться слишком уж сильно, я сунул руку в мешочек и выудил одну из порций завтрака. Оставалось только ждать... Всем управляло время.

Рядом, прямо на другом конце улицы, здание компании «Либерти Лабс» зашевелилось, как потревоженный муравейник.

– Как?! – выдохнул Симон, начальник службы охраны. – Как это возможно? Где он? Быстро всех в зал! Всю смену! Врубить сигнализацию и перекрыть выходы!

Завизжала сирена, а лабораторию-жилище Грегора в мгновение ока заполнили вооруженные люди. Жанетт, биолог, которую только-только перевели из одного из заграничных филиалов компании, с дрожащими коленками стояла у клетки, вцепившись в прутья. Пальцы ее скрючились, не в силах отпустить металл, костяшки побелели, а зубы отбивали дробь, словно ее тряс озноб.

– Не понимаю... что произошло?! Я что, сплю? Схожу с ума? Он же был... прямо здесь! Сидел у решетки, даже улыбнулся мне! Куда он делся?

Симон зарычал и топнул сапогом. По полу пробежала дрожь, а начальник службы охраны повернулся на каблуках и пулей вылетел из комнаты.

– Черт! Записи камер мне, немедленно!

Исследовательский центр «Либерти Лабс» захлестнула всепоглощающая паника. Посетители кричали, срывая голоса, и требовали от администратора объяснений, а та только и могла, что с нервной улыбкой просить всех успокоиться. Но толпу этим было не угомонить: специальный механизм на случай чрезвычайных ситуаций запечатал наглухо все входы и выходы.

– Прошу, присядьте на диваны в холле и ожидайте. У нас непредвиденная ситуация, специалисты все решат в кратчайшие сроки. Это всего лишь недоразумение, не нужно так нервничать...

Симон, морща лоб и уперев кулаки в стол, смотрел на экраны. Переводил взгляд с одного монитора на другой, тщетно пытаясь обнаружить хоть какую-то разницу. Он так близко свел брови, что они превратились в одну черную линию.

– Так... так-так... ну вот же он. Сидит... Теперь повернул голову к Жанетт...

Симон в сотый раз выругался, хватив кулаком по столу. Исчез. На одном кадре Грегор преспокойно сидел на полу клетки, а на следующем она уже опустела. Только радужный, дрожащий ореол едва очерчивал фигуру крупной гориллы, которая умудрилась просто пропасть, раствориться. Провалиться сквозь землю, оставив «Либерти Лабс» ни с чем.

– Не может быть... – с жаром шептал Симон, все переключая два заветных кадра.

Динамики исследовательского центра очнулись от долгого сна.

– Симон, приказано живо явиться в кабинет управляющего!

Симон только сжал зубы в ответ. Ничего хорошего это ему не сулило – подопытный пропал прямо из-под носа охраны! Симона и его отряд наняли не просто так; владельцы исследовательского центра считали их специалистами своего дела, лучше которых не найти. Именно поэтому им так быстро досталось такое престижное место. Они ведь были не простыми охран-

никами с обычной лицензией, а наемниками, побывавшими не в одной горячей точке. Совет директоров «Либерти Лабс» связался с Симоном напрямую, сделав самое выгодное предложение в его жизни. И наемник за него с готовностью ухватился – контракт был тут же подписан. Пять лет работы пронеслись как ветер, все было просто безупречно, и вдруг – такое... Симон признавать свою вину не спешил. Он чувал, что у него прямо на глазах разворачивалось что-то совершенно особенное. Грегор просто исчез, словно его и не было никогда! Не оставив и следа, кроме разве что груды игрушек и книг! Он не засветился ни на одной из камер, никто не заметил, как он выходил. Только камера, установленная непосредственно в его комнате, еще помнила, как выглядел подопытный. Но Симона все равно ожидала не самая приятная встреча; даже если бы боги спустились с небес и забрали гориллу прочь, это все равно поставили бы в вину охране. Симон скривил губы: он уже понимал, что ему припомнят, как он несколько раз осаживал Грегора током. В ушах наемника стоял невыносимый крик владельца компании, который возвышался над всеми директорами. «Спровоцировал!» – визжал он. Симон устало покачал головой.

Мысли вихрем кружились в его голове, пока под тяжелыми сапогами проносились последние ступени перед кабинетом управляющего филиалом. Симон поправил берет и, чеканя шаг, зашел внутрь. Рука метнулась к виску.

– Сэр! Симон Ильвес по вашему приказанию...

– Бросьте свой официоз. Не для того вас позвали... Присаживайтесь, – управляющий небрежным жестом указал на свободное кресло.

Начальник охраны едва сумел как следует усесться в кожаное кресло, совершенно в нем утонув; колени его от нервного напряжения едва гнулись, а все тело будто превратилось в кусок дерева. Симон стрельнул глазами по сторонам, хоть ему и приходилось частенько бывать у управляющего. Ничего вокруг не поменялось; на длинном столе даже пылинки не смела осесть, а со сторон его угрожающе обступили тяжелые резные шкафы с рядами книг.

– Расслабься, Симон. Хоть руководству это будет и трудно объяснить... но я вижу, что у нас тут намечается что-то крайне интересное. Я видел записи. Сказать по правде, уже устал их пересматривать. Уверен, ты уже сделал то же самое. Тебя никто не винит. По крайней мере, в этом филиале, не могу говорить за совет директоров...

Управляющий был высоким, худосочным стариком в безупречном костюме-тройке. Зеркальные очки, подобно маскам «кормильцев», скрывали за собой не по возрасту живые, блестящие глаза. Лысая голова управляющего сверкала, словно жемчужина на солнце; Симон разглядывал ее блестящую поверхность и гадал, росли ли у него вообще когда-нибудь волосы. Щеки управляющего, казалось, тоже остались нетронутыми; самому же начальнику охраны приходилось бриться по три раза за день – квадратная челюсть Симона моментально покрывалась жесткой щетиной. Немного фантазии, и его тоже можно было бы посадить в клетку вместо гориллы.

– Какие у вас есть мысли, Ильвес? – тихо произнес управляющий, плавным движением сцапав со стола прозрачную бутылку; он плеснул себе в стакан немного воды. – Они у вас вообще появляются в голове иногда? Тогда поделитесь со мной. Был лабораторный объект – и тут, как по волшебству, его не стало. Может такое быть? Нет, не может. Волшебства, как мы знаем, не существует. Значит, есть какая-то причина такому исчезновению.

– Ну, э-э-э, – Симон судорожно соображал, – уйти он не мог. Камеры бы его засекли, это точно. Клетку тоже не открывали...

– То есть, мы просто махнем рукой на то, что такой перспективный образец пропал?

– Нет, что вы, конечно, нет!

– Тогда что делать? Подскажите мне, как начальник охраны.

Симон нахмурился. Что стоило бы предпринять в первую очередь?

– Я бы оцепил здание – выйти ему пока еще не удалось, иначе бы поднялась тревога. По крайней мере, я так считаю. Нужно как следует допросить Жанетт. Вытряхнуть из нее каждое слово, которое сказал Грегор! Каждую его ужимку вызнать! И проверить клетку – разобрать кучи его вещей. Может, найдется что-то полезное.

– Прекрасно. Мне нравится. Приступайте немедленно. Я сформирую из вашего отряда две группы, потому что у моего взгляда на проблему иной угол. Во главе первой группы вы будете стоять лично, осуществляя все, что сами сейчас предложили. Вторая группа отправится прочесывать городские трущобы... под руководством нашего надежного человека, которого я назначу сам.

– Но сэр, он ведь даже не вышел из здания...

– Управляющий здесь я. Я решил поступить именно так. Вопросы?

– Никак нет, – Симон поднялся, – разрешите идти?

– Тогда приступайте. Разделите свой отряд пополам так, как сочтете нужным. Принимайте командование. А в первую очередь... пожалуй, займитесь Жанетт.

Симон выскочил из комнаты как ошпаренный и помчался искать девушку-биолога. Управляющий еще долго сидел в глубокой задумчивости, разглядывая капли воды на стенках стакана. Внезапно ожило устройство видеосвязи. Вздрогнул экран, расплескались цвета, и из них родилось знакомое управляющему лицо. Он уважительно поднялся, вытянул руки по швам и слегка склонил голову.

– Мистер Викланд, я проглядел ваш отчет. Нам нужно срочно организовать заседание совета «Либерти Лабс». Эта... – невидимый собеседник пытался подобрать слова, – ситуация грозит стать совершеннейшей катастрофой.

Управляющий, наконец, поднял взгляд к экрану и кивнул грузному седовласому мужчине, что обеспокоенно смотрел с другого конца планеты.

– Непременно соберем, не переживайте, господин Шэнь. Я уверен, наши специалисты решат все в считанные дни, если не часы. У нас здесь настоящая команда профессионалов – иначе они бы не работали в «Либерти Лабс», – управляющий подобострастно улыбался и кивал собеседнику.

– Найдите его, мистер Викланд, – с нажимом произнес Хао Шэнь, – и приведите назад в клетку. А если будет слишком уж сопротивляться, то убейте без лишнего шума. От прессы нужно скрыть все подробности – чтобы ни словечка я не увидел в газетах или в интернете!

Связь оборвалась, и монитор снова безжизненно потух, оставив Викланда смотреть на собственное отражение. Управляющий устало выдохнул и смахнул каплю пота с виска. Утаить все подробности такого переполоха будет очень непросто – тем более с таким количеством разгневанных посетителей, запертых в холле. Мистер Викланд побарабанил костяшками по столу, провел пальцем по полкам с книгами, проверяя, не собралась ли пыль; с каждым из тех, кто оказался в «Либерти Лабс» во время инцидента, придется проводить беседу, прежде чем отпускать. Но они должны были как следует уяснить, почему не стоило рассказывать об этом досадном происшествии всем подряд. Викланд взглянул на стену кабинета. Там протянулись целые ряды экранов самых разных размеров – камеры передавали управляющему все, что видели, словно тысячи глаз. Как же эта обезьяна смогла выбраться? Чем он занимался последние несколько дней? Викланд подметил, как по одному из коридоров пробежал Симон с тремя громилами-наемниками; они с ног сбивались в поисках Жанетт. Управляющий кивнул самому себе – он надеялся, что уж такому человеку, как Симон, удастся выжать из нее всю информацию до последней капли. Викланд никогда особо не интересовался научными делами высшего совета директоров, над которым восседал сам господин Шэнь, но ему дали понять, что Грегор – один из самых важных образцов всей компании. Если он не вернется в свою клетку в ближайшее время, полетят головы с плеч. Поправив галстук, старый управляющий выглянул в окно. Солнце скатывалось с неба. Утекло уже так много драгоценного вре-

мени! С каждой минутой надежда быстро настичь проклятую гориллу таяла. Мистер Викланд со вздохом уселся в кресло и закрутился на нем, вперив взгляд в потолок. Он до последнего надеялся, что Симону удастся в кратчайшие сроки выдернуть Грегора из того угла «Либерти Лабс», куда он забился. Но больше тянуть было нельзя; управляющему пришлось сделать еще один неприятный звонок.

Войцех Новак долго не отвечал. Наконец, тихий перезвон в переговорном устройстве подсказал, что Войцех все-таки взял трубку. У Новака не было звания или должности в компании – он в ней и вовсе официально не работал, вместо этого отвечая на такие вот звонки, когда все шло наперекосяк. Двадцать лет назад он был обычным бухгалтером, а потом все бросил ради дела мечты; он стал частным сыщиком, проводя год за годом, разузнавая грязные тайны клиентов и разгребая их проблемы и долги. Его имени не печатали в газетах, не рекламировали по телевизору, но очереди в его кабинет все же стояли. В какой-то момент клиентам пришлось разочарованно разойтись – контора закрылась, а Войцех пропал из виду, потерявшись в толпах праздных гуляк на улицах. Когда редкий клиент звонил по старому телефону, попадая в совершенно другую теперь компанию, ему отвечали, что сыщик Новак больше не работает – не то надоело, не то устроился куда-то потеплее. Правду знал лишь сам Войцех.

Он сидел у себя дома в старом ободранном кресле и задумчиво смотрел на стакан газированной воды. По невероятно сосредоточенному лицу сыщика казалось, будто он пытался разглядеть в пузырьках смысл собственной жизни. Звонок оторвал его от этого увлекательного занятия, и теперь он стал еще ворчливее, чем обычно; пригладив непослушные волосы песочного цвета, сыщик нажал на нужную кнопку. На его бледном лице собралось еще больше морщин, чем обычно.

– Мистер Викланд? И с чего бы это вам мне звонить после стольких дней молчания? Неужто есть для меня дело?

– У нас чрезвычайное происшествие, Новак. Необходимо немедленно все уладить по прямому приказу господина Шэня. Все подробности я тебе сообщу, как только прибудешь. Выезжай немедленно.

Сыщик на другом конце видеозвонка напрягся; его мышцы чуть не свело судорогой – так резко он подобрался.

– Что случилось? Последний раз господин Шэнь приказывал со мной связаться, когда один из ваших сотрудников стащил культуру тех бактерий, которые...

– Сейчас не об этом речь, Новак, – раздраженно замахал руками управляющий, – послушай... у нас сбежал опытный образец.

– Кто?

– Горилла по имени Грегор. Я уверен, ты о нем слышан, раз знаешь о делах «Либерти Лабс».

Войцех тяжело вздохнул и покачал головой.

– И в здании его, конечно же, нет, а вы забили тревогу только сейчас.

– Приезжай и все увидишь своими глазами. Он просто пропал из клетки. К сожалению, я убедился, что наши горе-охранники ничего не добьются. Возьмешь половину людей Симона и приступай к делу.

– Найти и вернуть?

– Именно. Но если нужно будет – Шэнь дал разрешение стрелять.

– Понял, – сыщик, не отключая видеосвязи, подскочил к вешалке и сорвал с нее куртку, – уже еду. Пусть люди Симона переоденутся в гражданскую одежду. Они должны начать прочесывать округу, пока я в пути. Насколько я понимаю, Грегор видел их только в форме и зеркальных масках? Значит, лиц он не знает – у нас серьезное преимущество. Используйте свои связи и предупредите всех полицейских, охранников, постовых и патрульных: он не должен выйти из города. Иначе найти его будет в разы сложнее.

Викланд кивнул. Нажал на кнопку, и экран послушно погас. Лысый управляющий остался один на один с искусственными глазами камер.

Глава 4

Грегор.

Я приоткрыл глаза – задремав за коробками, не заметил, как пролетело время. Вокруг висела непонятная тишина, словно меня обнаружили и ждали только, когда я сам выползу из укрытия. Стараясь не шуметь, я разгреб хлам, которым себя завалил, и осторожно выглянул. Свет погашен, посетителей нет, как и продавцов; как раз вовремя! Щелкнув замком, последний менеджер уходил прочь от стеклянных дверей, насвистывая какую-то мелодию и поигрывая ключами.

Едва дыша и то и дело останавливаясь, я прополз в главный зал. Пусто. Ни души, только я один и неясные силуэты одежды в полумраке закрытого магазина – даже охраны не оказалось. «Значит, – подумал я, – где-то точно стоит камера. Или сразу несколько». Я завертел головой; в углу, под самым потолком, повисла небольшая камера, подмигивая красным глазом вешалкам и складкам одежды. Ее нужно было сразу ослепить; наружные камеры меня засечь никак не могли. Но всего лишь один неосторожный шаг, один подозрительный звук – и в магазин примчится полиция, а уж горилле они точно не обрадуются.

Протянув руку, я стащил со стойки черную майку. Так, чтобы точно не попасть в зону видимости камеры, соорудил горку из стульев, коробок и всего, что попало под руку, и тут же на нее вскарабкался. Одним точным броском я накинул майку на камеру. Может, на записи все еще можно будет рассмотреть размытые силуэты, но разобрать что-то будет очень трудно. Скатившись кубарем вниз, я сел на пол и почесал затылок. Настало время подумать о самом главном – что же теперь делать? У меня все получилось, побег прошел как нельзя удачнее; дальше этого мои планы не заходили, и вообще они были довольно сумбурны, так как я совершенно не знал даже, в каком городе нахожусь. Название страны тоже было загадкой. Я заглянул в калейдоскоп и, разглядывая линии и грани, принялся размышлять. Мне очень хотелось выяснить, что же на самом деле происходило там, за стенами здания, откуда я сбежал, за ширмой длинных коридоров и запертых дверей. Что они изучали? Чего хотели добиться? Разумеется, я вовсе не собирался сразу туда возвращаться – идею глупее трудно было придумать; к тому же, в компании теперь должен был царить настоящий хаос. Я запустил руку в мешок и достал первую порцию еды. Вцепился зубами в апельсин. На один день еды мне хватало с натяжкой, поэтому в первую очередь я подумал об одежде. К счастью, вокруг меня ее было просто навалом; с едой дела обстояли сложнее, потому что для еды нужны были деньги. «Придется красть, – подумал я, – но я все обязательно со временем верну». В «Либерти Лабс» наверняка уже все сбивались с ног в поисках меня и рыли землю носом. Что же будет, если меня найдут? На этот вопрос ответа пока тоже не находилось.

Слизав с ладони последние крошки булочки, я двинулся по темному залу, подбирая еще днем подмеченные вещи. Натянул ботинки, брюки и рубашку; они пришлись мне впору, чему я был несказанно удивлен. Неужели люди могли достигать таких размеров? Таких мне встречать еще не доводилось; впрочем, мой круг общения был достаточно узок. Последняя пуговица на рубашке застегнулась с трудом, и мне даже почудилось, что швы жалобно затрещали. Я поглядел на себя в зеркало. Покрутился и так, и эдак – смотрелось неплохо. Оставалось только скрыть лицо, и тогда мельком или в темноте меня можно было принять за крупного мужчину. На ладони я натянул громадные перчатки; набросил на плечи пальто и поднял воротник. Шляпа, темные очки и шарф хорошо замаскировали мое лицо. Затем я тщательно подсчитал стоимость всех тех вещей, которые позаимствовал у магазина. Порылся за прилавком – нашел ручку и бумагу, на которой корявым почерком нацарапал короткое послание, в котором перечислял добытые вещи и обещался все обязательно вернуть. Совесть моя немного угомонилась. В кассе же не оказалось ни монетки – разумеется, ее опустошили перед уходом...

Благодаря врожденной сообразительности я учился и соображал чрезвычайно быстро; примерное расположение домов и комнат в них, телефоны, компьютеры, планшеты, ориентация в городе – все давалось мне играючи. Хватало одного взгляда на любую техническую диковинку, и я уже примерно представлял не только как с ней работать, но и как она устроена. Часы показали мне одиннадцать вечера. Я прижался лицом к стеклу; в «Либерти Лабс» напротив все еще горел свет. Мне нужно было незаметно прошмыгнуть мимо – остаться в магазине я просто не мог.

От камер на улице мне было не увернуться, там их наверняка повесили на каждом углу, но я только махнул рукой: обставлю все как ограбление, и в «Либерти Лабс» не сразу поймут, что к чему. Я постарался припомнить все детективы, которые успел прочесть. Что обычно делали воры после ограбления магазина? Я решил выломить дверь и броситься бежать. Тогда появлялся шанс, что делом займется именно полиция, а охрана «Либерти Лабс» посмотрит на все сквозь пальцы. Ударом руки я высадил входную дверь и под тревожный звон побежал по пустой улице; стук моих ботинок эхом гулял по кирпичным стенам домов. То тут, то там в окнах появлялись удивленные лица, повсюду в квартирах загорался свет. Сигнализация заставила людей выглянуть на улицу; они никак не могли взять в толк, что могло случиться в их обычно тихом районе. Где-то вдалеке взвывала полицейская сирена, но я уже юркнул в проулок.

Пробежав пару кварталов, я замедлился и перешел на тяжелый шаг, стараясь держаться подальше от прохожих. Я брел по улицам, проспектам, дорогам, спускался в подземные переходы и поворачивал наудачу. Иногда люди оборачивались, с подозрением вглядываясь в мою странную походку, но, пожав плечами, шли дальше по своим делам. Несмотря на темноту, я не спешил снимать темные очки; скрываясь за их стеклами, я никак не мог наглядеться на все, что меня окружало – дома, цветные вывески, сверкающие рекламные щиты, машины и людей. Все, о чем я только читал на страницах книг, сошло с них и воплотилось в реальность – и она оказалась даже лучше, чем я ожидал! Но мне все никак не удавалось отделаться от гнетущей тяжести на плечах, которая клонила меня к земле – от свободы. К ней мне только предстояло привыкнуть, проведя всю жизнь взаперти.

Я старался изо всех сил не проколоться ни в чем. Но вскоре, пересекая очередной переход, проходя под мигающим светофором, я услышал что-то подозрительно знакомое. Мимо меня прошел человек, который, казалось, даже не повернул головы. Он облизывал губы, как-то по-особенному, с противным причмокиванием. Мне показалось, что этот звук я уже слышал, сидя в клетке. И верно; память услужливо подсказала, что один из тех охранников, что били меня электрожезлами, издавал точно такие же звуки из-за зеркальной маски. Мог ли случайный прохожий на улице быть именно им? Я был обязан проверить. Справа, чуть впереди, виднелся темный проход в загаженный переулок – туда-то я и решил свернуть, чтобы сразу выяснить, последует ли этот человек за мной. Украдкой я осмотрел здания, которые окружили улицу; в этой части города не должно было быть слишком уж много людей. Слишком плотная заводская застройка – кто же захочет жить в копоти и саже? Просто так на исполинских зданиях не станут строить огромные трубы.

Я резко шагнул в переулок и медленно пошел вперед. Мои опасения оправдались; чуть погодя незнакомец тоже показался в переулке, осторожно следуя за мной. Сомнений быть не могло – за мной крался один из охранников «Либерти Лабс». Если бы не его привычка оближивать губы, я ничего бы и не заподозрил; на охраннике был обычный плащ и шляпа. «Либерти Лабс» не только отправил людей на поиски меня в город, более того – одному уже удалось меня отыскать. Я решил, что наткнулся он на меня случайно, но все же сумел узнать. К счастью, интеллектуальными способностями он не отличался, и о моем остром слухе даже не подумал. Да и сообразительность он мою явно недооценивал, либо переоценивал свою; кроме того, я серьезно превосходил его ростом и массой. За очередным поворотом оказался тупик. У грязной решетки притаился одинокий мусорный бак; я остановился и обернулся. Кем бы они меня

ни считали, сколько бы ни объясняли теорем, как бы ни заваливали книгами, я все же был куда сильнее обычного человека. Живой ум никак не запрещал мне махать руками.

Охранник чуть не бегом ворвался за угол; в руке у него блеснул маленький пистолет. Поняв, что перед ним вырос тупик, охранник замедлился – всего на секунду, но ее хватило, чтобы я отбил в сторону его руку. Прогремел выстрел, и пуля царапнула плечо; меня обожгло болью, а рукав пальто быстро пропитался теплой кровью. Пуля прошла по касательной и со стуком зарылась в кирпичную стену; полетела красная пыль. Я с силой толкнул охранника, сбив его с ног; мой преследователь хотел выстрелить еще раз, но не успел – я ударил его кулаком по предплечью. Охранник вскрикнул, и раздался влажный хруст сломанных костей.

– Извини.

Но он не слушал. Превозмогая боль, он вскочил и здоровой рукой выхватил откуда-то длинный нож.

– Мне придется ударить тебя еще раз.

– Проклятая обезьяна... – прошептал охранник; он откинул полу плаща и потянулся к рации на поясе.

Такого я позволить не мог. Еще секунду я глядел на свое отражение в полированном лезвии ножа, а затем мой кулак с глухим стуком опустился противнику на голову. Оглушенный, наемник обмяк и рухнул на землю. Я оттащил его к самой решетке, забрав рацию, пистолет и деньги – если уж отбирать ценные хрустящие бумажки, то у того, кто пытался тебя убить. Наличных у преследователя оказалось немного, но больше мне и не нужно было. Я быстро осмотрелся: стены вокруг вздымались высоко, а окна либо были чем-нибудь забиты, либо стояли плотно закрытыми; здесь, скорее всего, из-за выстрела даже и в полицию-то звонить бы не стали. Наверняка им приходилось слышать стрельбу чуть ли не каждый день. Я опустился на четвереньки у охранника и быстро проверил карманы его плаща. В них оказался сотовый телефон; или, по крайней мере, нечто, что его мне напоминало по описанию из книжек. Усевшись поудобнее на землю, я в мгновение ока разобрал примитивное устройство; разглядев как следует детали, я пришел к выводу, что это и вправду был мобильник. Пригодится; сим-карту и GPS-модуль я выковырял кончиком позаимствованного ножа и выкинул в бак. Бросив последний взгляд на охранника из «Либерти Лабс», я отметил про себя, что тот уже начал шевелиться и стонать. Разумеется, он обо всем доложит хозяевам, но теперь, без средств связи, это случится не скоро. Пора было уносить ноги. Я помчался по темным улицам, и только фонари смотрели мне вслед.

Продуктовый магазин светил витриной изо всех сил, зазывая поздних посетителей. Прислонившись к стене, я прислушивался к ноющей боли в плече и размышлял. Свет внутри горел очень уж ярко – что, если продавец сумеет меня рассмотреть? В моем заветном мешочке еще оставалась еда, но мне нужно было обзавестись новыми запасами как можно скорее, если я действительно хочу сбежать и снизить риски быть пойманным где-нибудь за покупками. Постучав задумчиво пальцем по подбородку, я юркнул в густые тени, обходя витрину так, чтобы ее свет до меня не дотянулся. Обойдя магазин кругом, я снова очутился у ряда мусорных баков – похоже, в городе все дороги вели именно к ним; фасад магазина был совсем недавно приведен в порядок и выкрашен, а вот задняя его стена демонстрировала облупленную краску и широкие трещины. Повсюду валялись грязные куски картона и поломанные поддоны. Я прищурился: прямо на меня глядела коробочка, выкрашенная в тот же цвет, что и стена, на которой она висела. От нее к ближайшему столбу тянулся толстый пучок проводов; я сообразил, что именно отсюда все здание питалось электричеством.

Сделав совершенно скучающий вид, я поглядел по сторонам – за магазином не было решительно никого, кроме бродячего кота. Я почти что уперся носом в коробку с проводами и изучил каждый ее сантиметр. Мои мысли обернулись к электричеству и его свойствам. Придется запачкать новенькие перчатки. После десяти минут копания в мусорных баках я наконец торжествующе хлопнул в ладоши: среди полусгнивших объедков, бумаги и пластиковых бутылок валялись ржавые ножницы с пластмассовыми ручками. Может, для владельца магазина это и был мусор, но для меня в тот момент не было сокровища дороже. Оставалось только разобраться в том, как люди питали электричеством свои приборы. Еще раз убедившись, что меня никто не видит, я ловко вскарабкался на крышу магазина и медленно пополз к проводам, стараясь не шуметь и не елозить слишком сильно, чтобы продавец ничего не заподозрил. Я разрезал ножницами изоляцию. Мне не составило труда понять, какой цели служил каждый из маленьких проводов; как заправский сапер, я разделил провода и перерезал тот, что означал «фазу». Затем, по очереди, все остальные. Здание погрузилось во мрак, а подо мной разразилась матерная брань.

Я поспешно спрыгнул с крыши на землю и отряхнул пальто. Выждав с минуту, я неприужденной походкой вошел в магазин.

– Здравствуйте!

У продавца усы топорщились во все стороны – он яростно возился у выключателя за прилавком.

– У нас свет вырубил! Заходите попозже!

– Мне без сдачи, вот, – я достал несколько мятых купюр, – всего лишь бутылку воды да чего-нибудь еще на оставшиеся...

– Ну и как я, по-вашему, буду искать продукты в такой темноте?! – усач наконец отдрал глаза от выключателя и смерил меня взглядом; моя внушительная фигура его, казалось, немного смутила.

– Бутылку воды, упаковку каких-нибудь котлет и пакет апельсинов. Этого должно хватить, – я сунул ему деньги в руки.

– Ладно, ладно... – нехотя продавец отложил в сторонку купюры и пошел собирать заказ, отчаянно бранясь.

Спустя пару минут он всучил мне увесистый сверток.

– Спасибо, сдачи не нужно, – я уже собрался уходить, как вдруг совесть пребольно кольнула меня в спину.

Я обернулся и посмотрел на продавца.

– Что-то еще? – он раздраженно развел руками.

– Может, вам помочь со светом? Я, знаете ли, э... электрик.

– Правда? Можете? – с сомнением спросил мужчина.

– Сейчас посмотрю. Залезу на крышу и проверю провода.

Вскоре, старательно пряча лицо за воротником плаща, я помахал довольному усачу рукой и поспешил убраться по своим делам. Свет в магазине снова ярко горел и, удовлетворенно вздохнув, продавец уселся на скрипучий стул за прилавком. На улице царил глубокая ночь; через пару часов обещал забрезжить рассвет, и мне придется срочно искать убежище. Я уже знал, куда пойду – пытался соображать на ходу и приводить планы в порядок. Моей следующей целью в городе стали крупные достопримечательности, и вскоре оказался на широкой мощеной площади с храмом, посвященным какой-то человеческой религии. Но искал я его вовсе не из-за красоты архитектурных форм; взгляд мой уперся в туристический стенд. Я прочел условные обозначения и стал водить пальцем по карте, выискивая верный значок. Один из них притаился в клубке улиц и переходов – круглосуточное интернет-кафе. В нем свет я отключать уже не собирался: мне и самому нужно было электричество. Приходилось рассчитывать только на одежду и отсутствие слишком уж внимательных посетителей.

Здание с разбитой вывеской выросло на пересечении трех улиц – казалось, самых узких и несчастных в городе. Маленький звоночек оповестил всех о моем прибытии, стоило только толкнуть дверь. К счастью, зал оказался практически пуст; его занимали только пара сонных мужчин да толстый хозяин, который лениво повернул ко мне красное лицо.

– Занимайте свободный компьютер, оплата почасовая, – едва слышно проговорил он заученную фразу, – одежду можете повесить на вешалку, у вас за спиной.

– Прохладно сегодня, – улыбнулся я. – Лучше посижу так.

– Дело ваше, – пожал плечами хозяин; он уже даже не смотрел в мою сторону.

Я ушел в самый дальний угол и плюхнулся на маленький стул. Тот жалобно затрещал под моим весом, но пообещал выдержать. Монитор облил меня мягким белым сиянием, и я с интересом уставился на значки, кнопки и курсор мыши. Один из тех типов, что все еще сидели в кафе такой поздний час, обернулся ко мне, облокотившись на спинку своего стула. По его взгляду я понял, что он пьян; он пробурчал что-то неразборчивое, а потом показал на меня пальцем и криво усмехнулся.

– Давно себя в зеркало видел? Забыл, что такое бритва?

Но я не ответил на его насмешки – вместо этого моим вниманием полностью завладела клавиатура. Пожалуй, будь моя воля, я бы создал ее точно такой же. Единственное, что привело меня в замешательство – расположение букв. Почему именно в таком порядке? Впрочем, это было не так важно; мой взгляд соскользнул с клавиатуры и остановился на мыши. На это устройство мне пришлось потратить на пару секунд больше. Концепция показалась мне чрезвычайно любопытной.

Из книг я как-то узнал об интернете, и у меня в клетке даже имелось одно из бесполезных пособий для «пожилых пользователей», которое и читать-то было стыдно от того, каким тоном все объяснялось. Всемирная паутина – пожалуй, лучшее, что люди смогли выдумать. И поэтому, привыкнув как следует к мыши, я решительно щелкнул по значку браузера на пыльном экране и с головой погрузился в потоки информации. Как же звали этого профессора?.. Николай Александрович? Или Александр Николаевич? Я набрал в строке поиска «Алексеев Николай Александрович». Экран услужливо предложил мне его статьи, заметки о встречах со студентами, интервью и внушительные заслуги перед университетом. Но я вместо этого сосредоточил внимание на новостном сайте. Перед глазами замелькали заголовки, а я все крутил колесиком, пока не остановился на нужном. «Скандал в «Либерти Лабс» – известный ученый и лауреат множества премий разрывает контракт. На своей пресс-конференции профессор Алексеев обещает открыть «ужасную тайну о современной вивисекции».

Я удивленно выдохнул. Так вот, отчего он был так расстроен, когда я видел его в последний раз! Что же толкнуло его на такой шаг? Неужели это все из-за меня в клетке? Или он, как и я, нашел связанного человека в дальней комнате? Как бы то ни было, я утвердительно кивнул сам себе. Еще одна часть плана успешно выполнена; именно профессора Алексева я обязан был найти, именно на нем все сходилось. Только он во всем городе мог дать мне приют хотя бы на время. Кроме того, он знал уйму всего о корпорации, и эта информация, если он согласился бы ей поделиться, стала бы невероятно полезной. Мне любыми путями нужно было пробраться на конференцию! Только вот в моем наряде и с моим внешним видом меня и на пушечный выстрел к кабинетам не подпустят.

Такая крупная корпорация как «Либерти Лабс» никогда не позволила бы говорить о ней все, что взбредет в голову – даже в книжках, даже в праздном разговоре. Я рассуждал, устремив взгляд в потолок. Алексева точно попытались бы заткнуть, если уже этого не сделали, неважно, чем – угрозами, деньгами или чем-то еще. Я много про такое читал! Значит, предстояло выудить всю нужную информацию первым. Я сцепил руки за головой и уставился в монитор. Пока я здесь, пока у меня еще были деньги на лишний час за компьютером, оставался шанс разузнать, что о «Либерти Лабс» писали в общем доступе. По экрану снова побежали

статьи и новости, я раз за разом нажимал клавиши мыши, впитывая в себя все до последнего символа и пикселя. Знаменитости и торговые партнеры всех мастей пели «Либерти Лабс» хвалебные гимны, а ученые и профессора либо бранили на чем свет стоит, не упоминая впрочем ничего конкретного, либо старались придерживаться нейтралитета. На одной из фотографий крупнейшего новостного сайта города я заметил мужчину, чье лицо врезалось в память еще в момент побега, у стойки охраны. Квадратная челюсть, берет, знаки различия... Больше походил на военного, чем на простого охранника. Зачем военным работать с исследовательским центром и сидеть в коридорах, наблюдая целыми днями за гориллами в клетках? Судя по заметкам, компания «Либерти Лабс» занималась в основном проблемами экологии, биологии и химии.

Последние обрывки ночи я провел в мире информации. Глаз не прикрыл даже на минутку. Но за это мне посчастливилось раздобыть адрес университета, где работал профессор Алексеев, точное время пресс-конференции и даже список гостей. Старика-профессора я планировал перехватить еще до мероприятия; неужели он был настолько наивен, что думал, будто сможет беспрепятственно обо всем рассказать?

Глава 5 Грегор.

Вооружившись знаниями и оставив задремавшему хозяину пару мятых купюр, я покинул интернет-кафе уже утром, когда солнце всюду заливало улицы светом. Люди с усердием спешили на работу – на меня никто не обращал внимания, только изредка очередной прохожий недовольно ворчал, когда я случайно толкал его плечом. И даже тогда люди не поднимали головы, будто глаза их были привязаны к ботинкам. Я на ходу жевал вторую порцию еды, которую утащил из «Либерти Лабс»; апельсин уже успел подсохнуть, а хлеб и вовсе покрылся черствой коркой. Но мне приходилось довольствоваться только этим, пусть моему желудку и не пришлось такое по нраву, потому что выбрасывать еду мне совсем не хотелось. Запил я все глотком воды из купленной бутылки. Резкие гудки машин все еще заставляли меня вздрагивать от неожиданности, но я уже порядком привык к городскому шуму, который с каждой проходящей минутой перерастал в монотонный низкий гул. И даже смрадный воздух не казался таким уж противным – казалось, я мог привыкнуть ко всему. Кроме клетки.

Я изо всех сил спешил к университету; мне совершенно необходимо было увидеться с профессором Алексеевым! Раз ко мне подослали человека с пистолетом, значит, могли и к нему – как раз из-за того, что я сбежал, а найти профессора было куда проще, чем меня. Все это странным образом складывалось в единую картину: сначала побег, а теперь Николай Александрович устраивает конференцию... как кусочки пазла. Профессор мог дать мне множество ответов на самые разные вопросы о «Либерти Лабс».

Я так глубоко задумался, что не заметил, как с размаху влетел в еще одного прохожего. Тот и сам сильно спешил и уставился в телефон, не замечая, куда идет. Прохожий не удержался и упал на тротуар, а телефон его полетел в сторону; по экрану побежали трещины.

– Ох, извините меня... – я поднял мужчину с земли и отряхнул его куртку.

– Ничего, ничего... – раздосадованно ответил он, подобрав телефон, – сам виноват. Не с того утро началось...

У университета толпилось слишком много людей для такого раннего часа – кажется, конференция произвела немалый фурор в прессе. Я остановился чуть поодаль, в тени большого дерева. Кучка студентов посматривала в мою сторону; иногда среди них раздавались взрывы смеха, но мне было решительно все равно. Пристально оглядывая улицы, я ждал, не появится ли где-то профессор Алексеев. Мимо спешили и профессора, и их ученики, журналисты и люди с большими камерами на плечах... Неподалеку примостился небольшой фургончик, возле которого стояла журналистка с микрофоном и усталый мужчина с большой сумкой, кепкой на голове и громадными синяками под глазами. Чем больше росла толпа, чем больше прибывало людей, тем неуютнее мне становилось. Слишком уж много вокруг было глаз, ушей и ртов; заметить меня и так было легко, а в толпе попасться какому-нибудь любопытному зеваке на глаза – и вовсе проще простого. Что, если бы я попал в объективы камер? Такое явно не пошло бы мне на пользу. Профессор и его коллеги-ученые, которые собирались принимать участие в мероприятии, все никак не появлялись, и я от скуки начал в уме рассчитывать возможные точки входа в остановленное время. Поблизости расположилась только одна – возле того самого фургона.

И тут, когда я уже было решил, что пришел слишком рано, я заметил старика-профессора. Он шел по улице, явно никуда не спеша, со стаканчиком кофе в руке. Спутать я ни с кем его не мог, разве что теперь он был в официальном костюме вместо белого халата. Я обернулся на толпу; все вели себя так же, как и за минуту до этого. Никто еще не заметил прибытия звезды конференции. Я решил заговорить с ним раньше остальных и медленно, будто просто

прогуливаясь, двинулся к тротуару. Вышел на ту же сторону улицы, по которой вышагивал Алексеев; он заметил меня, и, казалось, почти узнал: приподнял бровь и слегка замедлил шаг.

– Николай Александрович! – сзади раздался противный крик журналистки.

Оператор оттолкнул меня в сторону, и профессора окружила разноцветная толпа с микрофонами, диктофонами, камерами и блокнотами. Они щебетали, как весенние птицы, наперебой задавая вопросы, один глупее другого. Подобравшись и даже как-то раздувшись от такого внимания, Николай Александрович принялся напыщенно о чем-то рассуждать на камеру. Я скривил губы; вот ведь неудача! Раз легкий путь оказался закрыт, оставался сложный. Пока десятки пар глаз впились в профессора, я вернулся к университету и как будто бы невзначай подошел к охранникам у дверей.

– Доброго утра! – я чуть приподнял шляпу.

Двое пожилых мужчин лениво обратили на меня взгляды; как и предполагалось, им оказалось смертельно скучно здесь торчать, и они были не прочь поболтать хоть с кем-нибудь, чтобы скоротать время, пусть даже и незнакомец походил на обезьяну.

– И вам того же! – со вздохом ответил мне один из них. – Пришли на конференцию? Никак, тоже из ученых кругов?

Я решил действовать наугад, чтобы выпытать у них все, что только можно.

– Да, так и есть. Конференция ведь на третьем этаже, да?

– Нет, на пятом. Аудитория пятьсот семьдесят четыре. У вас на пропуске должно быть написано!

«Пропуске?» – подумал я. Этого я не предусмотрел.

– Ах, верно! Ну конечно... – замявшись, ответил я, – так и было, пока... пока я не подевал его куда-то. Так жаль! Ждал эту конференцию целую неделю, а тут такая неприятность.

Второй охранник подозрительно сдвинул брови.

– Значит, пропуска у вас нет?.. Кстати, о конференции ведь объявили всего три дня назад. Я виновато улыбнулся, сунув голову поглубже в пальто. Затея провалилась с треском.

– В самом деле? Вот это да...

Шмыгнув носом, я отвернулся и побрел прочь, чувствуя спиной внимательные взгляды. Толпа понесла профессора к дверям, и люди с гамом начали топтаться у входа; вереница гостей медленно потянулась внутрь, как длинная и толстая змея, предъявляя пропуска. Выход у меня был только один. Я двинулся к фургончику, который теперь одиноко стоял в стороне от всеобщего оживления; на ходу завел часы – будильник пообещал через пару минут отправить меня в измерение, где никто не требовал пропусков. Оставалось надеяться, что внутри университета были подходящие точки выхода, иначе пришлось бы возвращаться на улицу и снова считать, искать и продумывать. Я прижался спиной к фургону и, выглянув из-за него, поглядел в сторону университета. Один из знакомых охранников что-то шептал крупному мужчине в бронежилете и показывал в мою сторону. Тот решительно кивнул и, поправив дубинку на поясе, уверенно двинулся прямо ко мне. «Не успеет», – усмехнулся я про себя.

Тяжелые шаги все приближались, раздаваясь уже совсем близко к фургончику, как вдруг часы на моем запястье пронзительно запищали. В этот момент время перестало быть тем, чем все привыкли его считать; словно вляпавшись в клей, весь мир замедлил свой бег и постепенно остановился, застыв, как в огромном куске янтаря. Очертания предметов подернулись дымкой и задрожали. Цвета расплылись и поблекли, а фургон подался под моим плечом так, что я едва не провалился внутрь. Я направился к воротам университета – громила в бронежилете, почти с меня ростом, стоял всего в паре шагов, а рука его лежала на наручниках за поясом.

– Как-нибудь в другой раз, – я помахал ему рукой.

Словно через груды мармеладных мишек, я пробился сквозь толпу, пересек холл, преодолел несколько лестниц и направился к аудитории, номер которой мне любезно подсказали охранники. Ступеньки под ногами колыхались, а ботинки проваливались в них на несколько

сантиметров, но я все-таки сумел вскарабкаться на нужный этаж. Только – вот беда! – на нем не оказалось ни одной точки выхода. Загибая пальцы, я быстро подсчитал возможные координаты и спустился на этаж ниже. Нестабильная область обнаружилась в невероятно узкой комнате с кучей щеток и швабр. Забывшись в каморку, я заставил часы вновь завизжать. Мир завертелся, звуки наполнили воздух, а бледные и мутные контуры предметов налились жизнью. К сожалению, вернулись не только цвета и звуки – в нос ударил сильный запах хлорки и мокрых грязных тряпок. От неожиданности я охнул и зажал нос. Шум снизу накатывал волнами, пульсировал и катился мимо моего убежища напрямик на пятый этаж. Выжидая, я посмеивался про себя, представляя, как удивился охранник в бронежилете, не обнаружив меня за фургоном.

Гости и участники конференции, как сардины в консервную банку, набивались в аудиторию; я слышал над собой постоянный перестук каблуков. Мне нужно было влиться в этот людской поток, пока он не иссяк. Сделать это оказалось проще простого; выбрав момент, я открыл дверь на лестничную клетку и позволил толпе подхватить меня. Никто даже не заметил такого внезапного появления; у толпы были свои заботы, и участников конференции никто не собирался считать. Поток внес меня в аудиторию и я, работая руками как веслами, сумел отойти подальше в угол. Вскоре мне удалось найти свободное укромное место за стопкой книг, где я и притаился, горбя плечи. Студенты шумели и переговаривались громче всех; старые, седые преподаватели с умным и гордым видом обсуждали какие-то научные темы, пытаясь перекричать всех остальных. У кафедры, там, где уже складывал какие-то листки и памфлеты профессор Алексеев, висела целая гроздь микрофонов самых разных форм и размеров: почти все телеканалы и радиостанции пожелали услышать «сенсацию» из уст знаменитого ученого. Я украдкой разглядывал людей вокруг, подозревая, что если «Либерти Лабс» подслала своих агентов, то они уже находились где-то среди галдящей толпы. Либо мои способности сыщика никуда не годились, либо ни один шпион все же еще не явился – никому не удавалось привлечь моего внимания, никто не вел себя слишком подозрительно.

Голоса начали утихать только через полчаса, когда конференция официально началась. Слушать выступления оказалось неимоверно скучно; участники говорили непостижимую чушь, показывали совершенно бессмысленные графики, и им за это еще и аплодировали. Старательно пропуская мимо ушей их нудное бормотание, я рассчитывал точки входа. Мне удалось определить только одну – у самого дальнего окна, почти на подоконнике. Неудобно, далеко, но все-таки лучше, чем среди тряпок и швабр.

– А теперь выступит уважаемый член совета профессоров, блестящий преподаватель и лауреат множества международных премий, Алексеев Николай Александрович!

Страхнув сонливость, журналисты оживленно зашевелились и, толкаясь, стали придвигаться и подползать к кафедре. Под рукоплескания поднялся с места и сам профессор, заняв полагающееся ему место для доклада; все эмоции старика легко читались на морщинистом лице – смесь волнения и злобы, которую он затаил на «Либерти Лабс». Он глубоко дышал и часто моргал, готовясь сказать что-то по-настоящему важное. К нему хищно протянулись десятки журналистских лиц, только что слюна не капала из их приоткрытых ртов; все присутствующие приготовились слушать профессора и ловить каждое слово. В воздухе повисло напряжение. Если бы дело не касалось крупной корпорации, на Алексеева Николая Александровича не обратили бы такого внимания. А теперь жадные до громких заголовков журналисты выстроились перед ним, как змеи, готовые ужалить при первом же слове.

– Друзья, коллеги и гости нашего университета! Спасибо, что пришли на конференцию. Перейду сразу к делу. Сегодня, – профессор говорил, перелистывая какие-то бумаги, – я пригласил вас всех сюда, чтобы сделать заявление. Как вы все прекрасно знаете, я на протяжении достаточно долгого времени работал не только преподавателем, но и сотрудничал с всемирно известной корпорацией «Либерти Лабс». Когда меня нанимали, я загорелся идеалистической

мечтой; я считал, что помогу миру своими исследованиями и, при таких колоссальных поддержке и финансировании, смогу дать ход некоторым изобретениям и разработкам, призванным сделать жизнь лучше для всех нас. К сожалению, – Алексеев поправил очки на сморщенном носу, – я страшно ошибался. Что случается редко.

Я весь напрягся; взгляд мой не переставал скользить между гостей в поисках хоть чего-то подозрительного: сказанного невпопад слова, неожиданного движения... Но все сидели тихо и неподвижно, глядя профессору в рот. Выдержав паузу, Николай Александрович продолжил:

– Контракт между мной и «Либерти Лабс» разорван по моему собственному желанию и по моей инициативе. Несмотря на все угрозы в мой адрес, я не собираюсь молчать. Как часто, к сожалению, случается в наше время, под благородными масками филантропов и альтруистов скрывались падальщики и жнецы, плесень, растущая на трупах людей и невинных животных.

Журналисты оживленно зашептались. Заявления профессора Алексеева были более чем громкими; каждая камера, каждый микрофон ждали объяснений.

– В стенах нашего филиала компании на моих глазах происходили страшные вещи, которые не привидятся даже в кошмарных снах! Правящая верхушка «Либерти Лабс», опьяненная вседозволенностью, зашла так далеко в своем пренебрежении ко всем и вся, что их опыты можно описать только словами «живодерство» и «вивисекция». Я прекрасно понимаю, что пока что все мое выступление голословно. Вы пришли за фактами, за монолитными доказательствами. И потому позвольте мне перейти к документам, заметкам, видеозаписям и фотографиям. Первый слайд, пожалуйста... Я приведу пример.

Я задышал чаще и встрепенулся. Так и знал, что не обойдется без соглядатаев «Либерти Лабс»! Один из гостей стал медленно придвигаться к трибуне, а я впился в него взглядом: сзади, у ремня брюк, его черная рубашка странно топорщилась. Мне кажется, я догадывался, что пряталось под ней. Я не мог поверить, что «Либерти Лабс» решила действовать так грубо и прямо – убить профессора прямо среди конференции?! На них такое было не похоже; я решил, что мой побег припер их к стенке, и руководство компании стало совершать одну ошибку за другой. Почувяв невероятную угрозу, которая исходила от профессора Алексеева, они, быть может, и решили изначально действовать более деликатно, но горилла по имени Грегор смяла все их планы и поставила на уши всех сотрудников. Нашупав в кармане пальто собственный маленький пистолет, я маленькими шажками, едва дыша, выбрался из-за своего книжного укрытия и двинулся вдоль дальней стены аудитории. Профессор продолжал говорить, делая короткие паузы, чтобы глотнуть воды; он описывал вещи – не называя, прочем, никаких имен – от которых на щеках журналистов загорался румянец. Их ручки бегали по блокнотам как спринтеры на соревнованиях. Газеты и телевидение обещали в этот же день разорваться от оглушительных новостей, которые грозили настоящим скандалом мирового масштаба. Издевательства над подопытными, похищения и запрещенные препараты, аморальные и просто опасные эксперименты – только малая часть того, что происходило в стенах «Либерти Лабс».

Монолог профессора настолько поглотил всех присутствующих, что они не замечали ни меня, ни мужчину в черной рубашке, который, я не сомневался, работал на тех, кого Николай Александрович разносил в пух и прах в своей разгромной речи. Я с досадой обнажил клыки: засланный агент компании был куда ближе меня к кафедре. Моя догадка оказалась верной; ловким движением агент выудил из-за пояса гладкий пистолет – так умело и плавно, что никто ничего не заметил, кроме меня. Раз я не мог добраться до профессора раньше убийцы, то оставалось только помешать ему прямо оттуда, где я стоял. Стрелять в него было слишком опасно; вокруг толпилось столько народа, что пуля почти наверняка угодила бы в кого-то еще. Кроме того, мне не хотелось никого убивать, пусть даже агента, который сам хладнокровно готовился к выстрелу. Решение пришло мгновенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.